

Зайцева Татьяна Борисовна

ДРАМА ЧЕХОВА "ТРИ СЕСТРЫ" КАК ПАРАФРАЗА СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА "ТРИ ПАЛЬМЫ"

В статье впервые рассматривается драма Чехова "Три сестры" как парафраза баллады Лермонтова "Три пальмы". Автор на конкретных примерах убедительно доказывает и объясняет сходство сюжетных ситуаций и проблематики указанных произведений, которое обусловлено, по его мнению, близостью лермонтовского и чеховского типов мироотношения, экзистенциальным самочувствием писателей. Особый интерес представляют наблюдения автора статьи над особенностями историософских взглядов Лермонтова и Чехова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 90-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

В статье впервые рассматривается драма Чехова «Три сестры» как парафраза баллады Лермонтова «Три пальмы». Автор на конкретных примерах убедительно доказывает и объясняет сходство сюжетных ситуаций и проблематики указанных произведений, которое обусловлено, по его мнению, близостью лермонтовского и чеховского типов мироотношения, экзистенциальным самочувствием писателей. Особый интерес представляют наблюдения автора статьи над особенностями историсофских взглядов Лермонтова и Чехова.

Ключевые слова и фразы: парафраза; проблема предназначения человека и смысла жизни; образ пустыни; прогресс; цивилизация; мотив красоты и пользы; личностное самоощущение.

Татьяна Борисовна Зайцева, к. филол. н., доцент

Кафедра русской литературы

Магнитогорский государственный университет

tbz@list.ru

**ДРАМА ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ»
КАК ПАРАФРАЗА СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА «ТРИ ПАЛЬМЫ»[©]**

Драма «Три сестры» – одна из самых литературно насыщенных пьес Чехова. О многочисленных прямых и скрытых цитатах в драме (т.е. литературных переключках, реминисценциях, аллюзиях, интертекстуальных связях и даже о персонажах-цитатах) не раз писали исследователи [2, с. 54]. Среди «цитируемых» Чеховым авторов первые места занимают Лермонтов, Шекспир, Пушкин, Тургенев [9].

Наше внимание привлекла одна скрытая цитата из Лермонтова, до сих пор, кажется, еще никем не замеченная: драма «Три сестры» является завуалированной сюжетной парафразой стихотворения Лермонтова «Три пальмы». Под парафразой в нашем случае будем понимать переложение поэтического текста в текст драматический, в котором сохранено «исходное богатство значений» и которое «делает новый текст системой повышенной сложности (приходится больше «держать в уме»)» [4, с. 74].

Практически все основные моменты сюжета стихотворения Лермонтова можно проследить в чеховской драме. Место действия баллады и пьесы – пустое пространство, окружающее оазис: «песчаные степи» [3, с. 46] и метафорическая *пустыня*. Маша сетует: «Сегодня только полтора человека и тихо, как в пустыне...» [8, с. 124]. Мотив пустыни, опустошения, пустоты заметно усиливается к концу драмы. Военные уйдут, и «город тогда совсем опустеет» [Там же, с. 162], – замечает Тузенбах. Дом Прозоровых некоторое время воспринимается сестрами и их гостями как маленький *оазис* культуры и эстетической жизни, свободный от мещанства и пошлости, от бытовой приземленности и грубости, присущих остальному городу и его обитателям. Однако после смерти отца, после напористого вторжения Наташи, в планах которой уничтожение клена и еловой аллеи, дом трех сестер постепенно сравнивается с городом, так же как может и оазис сравниться с песками, и становится пустыней.

Пустота, как зыбучий песок, захватывает не только город, но и сердца и души людей. Искренне страдает опустившийся и *опустевший* Чебубькин: «В голове пусто, на душе холодно. Может быть, я и не человек, а только делаю вид, что у меня руки и ноги... и голова» [Там же, с. 160].

Образ пустоты, *метафизической* пустыни, распространяется у Чехова не только на провинциальное захолустье, но и на все человечество, приобретая таким образом глобальный характер. Ведь, по словам Вершинина, «прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить» [Там же, с. 184]. Очевидно, речь идет не только и не столько о провинциальной жизни. В конечном итоге все земное пространство оказывается пустыней, метафизической пустотой для любого думающего и чувствующего человека. Духовным вакуумом представляется все земное существование, по крайней мере, в настоящем для героев драмы времени.

Подлинная жизнь возможна, как еще надеются чеховские персонажи, в каком-то *другом* пространстве, в какой-то *другой* реальности. Отсюда и стремление в *мифическую* Москву. Неслучайно даже Соленый, пытаясь по мере собственных представлений заполнить свою жизнь любовью здесь и сейчас, удивляется: «...точно я не на земле, а на другой планете» [Там же, с. 154]. И хотя идеальной Москвы как другого, лучшего, мира просто нет, это иллюзия, для человека в стремлении оставаться человеком и придать жизни смысл, поиск того, чем заполнить этот вакуум, никогда не может быть прекращен.

«Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» [Там же, с. 181] – восклицает Тузенбах. Этой фразой довольно точно можно охарактеризовать и зачин стихотворения «Три пальмы». Прекрасные лермонтовские героини, не удовлетворяясь своей красотой, о которой известно только им да ручью, мечтают, чтобы кто-то другой, иной, со стороны, оценил их по достоинству, жаждут

принести еще и пользу кому-то и понять, зачем нужна их красота. Именно сознание своей необычности, гордость, личностное самоощущение порождают вопросы о смысле человеческого существования:

И стали три пальмы на бога роптать:

На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?

Без пользы в пустыне росли и цвели мы... [3, с. 46].

Красивые чеховские сестры так же, как прекрасные героини Лермонтова, не довольны своим положением. «Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...», – возражает Тузенбаху Ирина [8, с. 135]. И даже Ольга, самая покорная из *гордых* сестер, тихо сетует: «Все хорошо, все от бога, но мне кажется, если бы...» [Там же, с. 120]. По смыслу и логике замечание Ольги напоминает возмущенное восклицание трех пальм: «Не прав твой, о небо, святой приговор!» [3, с. 46]. Приговор *святой* – «все от бога», но, несмотря на это, приговор *не прав*, не справедлив, не удовлетворяет внутренним запросам человека – все же «мне кажется, если бы...».

Смысловые параллели с Лермонтовым подкрепляются и упоминанием Ирины о жаре (на первый взгляд, случайным): «В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать» [8, с. 123]. Лермонтовским пальмам хотелось приносить пользу так же, как чеховским сестрам. Самая младшая из сестер в начале пьесы, по-видимому, вступила в тот период, который уже знаком старшим сестрам, – период поисков своего предназначения (пользы) в труде: «Лучше быть волком, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!» [Там же, с. 181]. Быть только красивой молодой женщиной – это стыдно, это слишком мало и мелко для эмансипированных образованных женщин нового времени, это не отвечает их запросам и возможностям, личностному самоощущению.

В стихотворении Лермонтова и в драме Чехова с самого начала смыкаются рождение и смерть, круг человеческой жизни. «Родились – здесь умирать», – возмущаются лермонтовские героини. «Три сестры» также начинаются с мотива рождения, внутри которого уже притаилась смерть: отец трех сестер скончался как раз в день рождения Ирины. В финале драмы сюжет переворачивается: во все сильнее звучащем мотиве угадания, смерти едва пробивается мотив рождения. «Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...» [Там же, с. 187], – грустит Ирина, свыкаясь с неизбежностью и бессмысленностью бесплодного повторения, но Ольга не теряет надежду: «О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем...» [Там же, с. 188].

Развитием балладной фабулы стихотворения «Три пальмы» (своеобразным ответом высших сил на ропот трех пальм) становится появление каравана кочевников, сопоставимое с распространенной в мировой литературе устойчивой сюжетной ситуацией, которую обозначим как *военные на постое* (конечно, применительно к балладе Лермонтова с отдельными оговорками). О генезисе данной сюжетной ситуации и о том, как воспроизводятся ее основные формальные признаки в пьесе Чехова, можно прочитать в статье Т. И. Печерской [9, с. 108-112]. Мы же попробуем рассмотреть некоторые элементы сюжета *военные на постое* в чеховской драме через призму лермонтовской баллады. Движение каравана – неизвестно откуда и куда – напоминает бесцельное хаотичное движение военных в драме Чехова: «бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят, в Царство Польское, другие – будто в Читгу» [8, с. 162]. Несомненно, что остановка каравана в оазисе, ночевка «веселого стана» воинственных кочевников приводит к непоправимым последствиям для лермонтовских героинь, к их гибели в огне. Похожая ситуация складывается и в чеховской драме.

В «Трех сестрах» фабула баллады парафразируется достаточно различимо, хотя и не во всем последовательно. Неясно, когда военные обосновались в городе. «Во временном отношении начальная граница ситуации *военные на постое* обозначена довольно размыто... Появление Вершинина заново актуализирует эту границу» [9, с. 110]. Назначение нового батареинного командира Вершинина фактически начинает развитие событий, происходящих во время остановки «походных шатров». Так же, как в ответ на свои вопросы три пальмы получают нашествие кочевников, появление Вершинина (разрушителя устоявшегося уклада, по крайней мере уклада Маши и Кулыгина), недавнего жителя Москвы и одного из самых ярких представителей военных, сюжетно как бы служит ответом на желание сестер вырваться из давно устоявшегося скучного хронотопа провинциального дома в иной хронотоп – в Москву, символизирующую для Прозоровых другое время и другое пространство.

Для трех сестер присутствие военных, особенно Вершинина, – это отблеск той жизни, о которой мечтают Маша, Ольга и Ирина. Военные представляются трем сестрам самыми образованными, интеллигентными, воспитанными, деликатными и утонченными людьми в городе, что кажется несколько странным стороннему наблюдателю (например, Вершинину, который объективно оценивает свое сословие). Общение с людьми, во многом отличными от городских обывателей, мещан, хотя и не придает жизни трех сестер подлинного смысла, но рождает ощущение подобия полноценной жизни, намекает на то, как *должно* быть. Знакомство с Вершининым приносит Маше краткий миг счастья. А после ухода военных жизнь сестер Прозоровых напоминает печальную участь лермонтовских пальм: никого из близких по духу людей не остается рядом, отчий дом разрушен, сделался чужим. Приказание Наташи вырубить еловую аллею весьма символично: сестры остаются без опоры, без корней на «бесплодной почве»...

В стихотворении Лермонтова две основополагающих коллизии. Во-первых, внутренний конфликт трех палм: трагическое столкновение героинь «с законами бытия, скрытыми от их духовного взора, выходящими за пределы их понимания (отсюда провиденциально неоправданный ропот палм на бога)» [5, с. 579-580].

Во-вторых, столкновение двух миров – мира природы и цивилизации. Получили ли пальмы ироничный жесткий ответ в качестве наказания за свой «тихий бунт» против Бога или обрели желаемое (порадовать чей-либо «благосклонный взор» [3, с. 46], стать полезными), принесли себя в жертву? Была ли гибель трех палм случайной или предопределена развитием цивилизации и истории? А может быть, их смерть была неизбежна по естественным *природным* причинам и случайно наступила раньше, чем это в любом случае должно было произойти? Лермонтов не отвечает ни на один из возникающих вопросов, оставляя своего читателя в неопределенности.

Оба конфликта и принцип неопределенности нашли свое отражение и в чеховской драме. Намеки на то, что сестры, может быть, ошибочно толкуют свое предназначение, пытаясь совместить красоту с пользой, выбирая труд ради труда, есть в пьесе. Ирина утверждает: «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги» [8, с. 123]. В записных книжках Чехова мы найдем опровержение этого убеждения: «Работать для науки и общих идей – это-то и есть счастье. Не в “этом”, а “это”» [7, с. 54].

По предположению Вершинина, само по себе существование культурного оазиса в провинциальном захолустье бесценно, поскольку является предпосылкой счастливого будущего: «Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни мало-помалу вы должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством» [8, с. 131]. Высокая миссия трех сестер, может быть, и заключается как раз в том, чтобы «предчувствовать... ждать, мечтать, готовиться» к «невообразимо прекрасной, изумительной жизни» [Там же]. То, что сегодня не удовлетворяет, завтра может показаться достойным: «нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением», – предполагает Тузенбах [Там же, с. 129]. Мир трех сестер для будущих поколений может предстать идеальным как мир высокой поэзии и тонких отношений, сохраняющий семейную атмосферу дворянских гнезд; мир человеческого единства и взаимопонимания; мир одухотворенной красоты, овеянный сказочными и иконописными традициями [9, с. 150-158, 179-192]; мир тем более прекрасный, что застигнут Чеховым в миг его стремительного распада, обусловленного как внешними, так и внутренними обстоятельствами.

Безжалостно поруганная красота мира трех палм – печальный финал и лермонтовской баллады. Интересно, однако, что мотив красоты связан у Лермонтова не только с образом трех палм, но и с образом каравана. Динамическое движение каравана завораживает своей выразительной пластикой, восхищает живописными деталями: здесь и «узорные полы походных шатров», и «белой одежды красивые складки», и горячий «вороной конь», гибкий, «как барс», но подвластный руке ловкого худошавого араба, и намек на романтические отношения с обладательницей «смуглых ручек» и «черных очей» [3, с. 46]. Красота палм – это красота статика, полного слияния с природой, красота и покоя патриархального мира, застывшей вековой традиции («И многие годы неслышно прошли» [Там же]), позволяющей сохранять райский оазис. Красота каравана – это красота движения, развития, перемен, активной человеческой деятельности.

Два мира – две красоты и две правды. Этим и объясняется трагичность конфликта лермонтовской баллады: один из миров, менее защищенный, менее гибкий, менее приспособленный к историческим метаморфозам, обречен. Нечто подобное происходит с миром трех сестер. В драме Чехова границы между двумя мирами размыты и отношения между ними более сложные, чем в философской притче Лермонтова. Миру, покоящемуся на шатких эстетических основаниях, противостоит отнюдь не цивилизация и прогресс (в данном случае в лице военных), а третья сила – в лице игнорирующей чужие жизни, деловитой, бесцеремонной Наташи, которая, может быть, обладает своей правдой, но абсолютно лишена красоты. И если в жизни трех сестер еще можно различить отблески христианской культуры [9, с. 154-156], то Наташа олицетворяет торжество эгоистического животного инстинкта, прагматизм варвара, ограниченность *коровы*, не нуждающейся в томительных поисках «высших и отдаленных целей», как писал о таких людях в одном из писем Чехов [6, с. 138].

Конфликт драмы обостряется, поскольку историософский взгляд Лермонтова предвещает победу прогресса, пусть даже и чреватую утратой патриархальной красоты, но у Чехова торжество животного начала угрожает гибелью не только красоте, но и всей цивилизации в целом: пожар захватывает не одно семейное гнездо Прозоровых, но, «казалось, горит весь город» [8, с. 160]. Эсхатологический катаклизм ударяет по жизни и трех сестер, и жителей города и, в отличие от лермонтовской баллады, отражается на судьбе военных-«кочевников». По сути, в чеховской драме воссоздается экзистенциальная ситуация безнадежности, или ситуация «человек на краю». И параллели с Лермонтовым намечаются здесь далеко не случайно, поскольку тип лермонтовского мироотношения, его философский настрой, в целом отличающийся экзистенциальным самочувствием, ощущением «бездомности» человека и эпохи [1, с. 82], оказывается очень близок Чехову. «Три пальмы» и «Три сестры» вопрошают о человеке, который стремится преодолеть временные и пространственные рамки, ограничивающие его существование, пытается обрести смысл своей жизни, стать счастливым, тщится сам управлять своей жизнью и гибнет в столкновении с надличностными силами (Богом, судьбой, историей).

Список литературы

1. Бубер М. Я и ты / пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файнгольда; послесл. П. С. Гуревича. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.
2. Доманский Ю. В. Статьи о Чехове. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 95 с.
3. Лермонтов М. Ю. Три пальмы // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5-ти т. М. – Л.: Academia, 1936. Т. 2. Стихотворения, 1836-1841.
4. Назиров Р. Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход: исследования разных лет: сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 71-78.
5. Турбин В. Н. «Три пальмы» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 579-580.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 5. Письма. Март 1892 - 1894. 679 с.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 12-ти т. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма. Апрель 1901 – июль 1902. 600 с.
8. Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 18-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 13. Пьесы. 1895-1904. С. 117-188.
9. Чеховиана: «Три сестры» - 100 лет. М.: Наука, 2002. 382 с.

**CHEKHOV'S DRAMA "THREE SISTERS" AS PARAPHRASE
OF LERMONTOV'S POEM "THREE PALMS"**

Tat'yana Borisovna Zaitseva, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Russian Literature
Magnitogorsk State University
tbz@list.ru

The author for the first time considers Chekhov's drama "Three Sisters" as the paraphrase of Lermontov's ballad "Three Palms", by specific examples proves and explains the similarity of plot situations and the problematic of the works under consideration, which is conditioned, in her opinion, by the proximity of Lermontov and Chekhov's types of world-attitude, the writers' existential feelings, and emphasizes that her observations on the features of Lermontov and Chekhov's historiosophical views are of particular interest.

Key words and phrases: paraphrase; problem of human destination and life meaning; image of desert; progress; civilization; motive of beauty and benefit; personal self-sensation.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена изучению тактики оценки, которая реализует стратегию самопрезентации в автобиографическом дискурсе. Рассматривается осуществление данной тактики посредством языковых средств, приемов экземплификации, усиления авторской интенции. Исследование проводится на материале автобиографий Б. Франклина и Г. Шредера.

Ключевые слова и фразы: автобиографический дискурс; стратегия самопрезентации; тактика оценки; оценочные высказывания; языковая личность.

Юлия Васильевна Звонарева

Кафедра делового иностранного языка
Челябинский государственный университет
forte-x@mail.ru

**СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И ТАКТИКА ОЦЕНКИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Б. ФРАНКЛИНА И Г. ШРЕДЕРА[©]**

Современная лингвистика формируется как антропологическая, что предполагает исследование языковых процессов в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности, а также учет человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов. Познавая окружающий мир, человек не может оставаться равнодушным: воспринимая мир явлений, он одновременно выражает свое оценочное отношение к нему. Значительный интерес к категории оценки в современном языкознании объясняется, во-первых, многоаспектностью явления оценки, ее тесной связью с другими лингвистическими категориями, что предоставляет исследователям широкие возможности для научных изысканий по различным лингвистическим векторам; во-вторых, наличием огромного количества спорных моментов и нерешенных вопросов в рамках указанной аксиологической категории как объекта лингвистического анализа. Исследование лингвистического аспекта оценки и оценочного отношения опирается на работы